

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.344.23

DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-4-633-643

«Орудия слабых»: неформальная экономика сельских домохозяйств

Виноградский В.Г.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
E-mail: vgrape47@yandex.ru

Аннотация. Исследования неформальной экономики сводятся обычно к рассмотрению стратегий и тактик экономических агентов, изобретающих различные способы заработать, оставаясь при этом вне зависимости законов и формальных правил. Эта экономика интерпретируется как нерегулируемая, не подчиненная формальному экономическому праву. В статье содержится попытка более широкого истолкования неформальной экономики как некой «суммы технологий», в основе которой лежит логика, не сводящаяся к системе чисто экономических соображений и намерений, устремленных лишь к выгоде и доходности. Речь идет о логике повседневной жизни, укорененной в обстоятельствах данного локального сообщества, семейного, родового, а затем и сельского мира. Автор пытается описать инструментарий социального выживания сельских домохозяйств и указать на панораму отношений, выстраиваемых с опорой на традиции и обновляемых под давлением жизненных обстоятельств.

Ключевые слова: эксплоярные формы, технологии выживания, полнота органического существования, сельский мир.

Благодарности: статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект «Сельские миры in progress: устойчивость, разрывы, контуры будущего» (№ 18–011–00029А).

Для цитирования: Виноградский В.Г. 2020. «Орудия слабых»: неформальная экономика сельских домохозяйств. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (4): 633–643. DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-4-633-643

«Tools of the weak»: the informal economy of rural households

Valery G. Vinogradskiy

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Vernadskogo prosp., Moscow, 119571, Russia
E-mail: vgrape47@yandex.ru

Abstract. Studies of the informal economy are usually reduced to considering the strategies and tactics of economic agents who invent various ways to make money, while remaining independent of laws and formal rules. This economy is interpreted as unregulated, not subject to formal economic law, «shadow». This article contains an attempt at a broader interpretation of the informal economy as a kind of «sum of technologies», which is based on a logic that is not reduced to a system of purely economic considerations and intentions aimed only at profitability. In essence, we will talk about the logic of

everyday life, rooted in the circumstances of a given local community, family, tribal, and then the rural world. The author tries to describe the tools for social survival of rural households and point to the panorama of relationships built on the basis of traditions and renewed under the pressure of life circumstances. These relations will contribute to the growth of the attractiveness of rural areas and the rural way of life.

Keywords: expolar forms, technologies of survival, fullness of organic existence, rural world.

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the RFBR, the project "Rural Worlds in progress: sustainability, gaps, contours of the future" (No. 18-011-00029A).

For citation: Vinogradskiy V.G. 2020. «Tools of the weak»: the informal economy of rural households. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (4): 633–643 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-4-633-643

Введение

Известный социолог и антрополог Джеймс Скотт, изучая исторические формы ненасильственного крестьянского сопротивления, нашел точную формулу – «оружие слабых» («Weapons of the Weak») [Scott, 1985]. Крестьянин, когда он вынужден отвечать давлению властей, не лезет на рожон. Он промолчит, попробует схитрить, отыскать окольные маршруты, – чтобы остаться хоть на вершок неподвластным. Под напором повелевающего урагана крестьянин согнётся, подобно былинке, чтобы только уцелеть. Оружие слабых – не музейный экспонат. Наблюдение новейших политико-экономических реалий, затрагивающих сельские миры, свидетельствует о том, что «оружие слабых» так или иначе применяется и теперь [Ахмадеев, 2015; Нуреев, 2015; Притворова, 2016; Бобков, 2017; Белов, 2018]. Эти практики заслуживают отдельного анализа.

Наш объект – неформальная экономика деревенских домохозяйств. Мы рассматриваем ее в качестве такого феномена крестьянской повседневности, который по своей родовой принадлежности восходит именно к «оружию слабых». Сердцевина крестьянской жизни – ничем не регламентированное, бесконечное пространство работы, громадные объемы повседневных трудовых занятий. Совладать (или, как выражаются крестьяне, «управиться»), схватывая посредством этого старинного глагола моменты закругленности, циклограммной технологической законченности любого из нескончаемых крестьянских дел) с ними немислимо без того, что мы, следуя мысли Дж. Скотта, попытались назвать «орудиями слабых» [Виноградский, 2009].

В арсенале этих орудий содержится «машинерия» крестьянских знаний, умений и навыков. Здесь же хранится набор тех привычек, социально-исторических технологий, повадок и сноровок, которые помогают крестьянину одолеть полчища проблем его повседневного существования. Попытаемся понять феномен «неформальной» («экспольярной», по терминологии Т. Шанина) экономики в качестве одного из таких «орудий», помогающих современным сельским домохозяйствам не только сохраниться и выжить, но и обеспечить ресурсы укрепления и развития. В чем выражаются сущностные черты неформального? Как выглядит перечень базовых свойств экспольярности? Насколько содержательна фигура отрицания в дефиниции «неформального»?

Устойчивость неформального

Существование наряду с официально узаконенным экономическим эшелонами иных, неформальных зон экономики, размещенных в домохозяйствах и особенно в домохозяйствах сельских — это обстоятельство расценивается специалистами в качестве проблемной ситуации. Неформальная экономика позиционируется в аналитических построе-

ниях как некий маргинальный феномен. Рассмотрим ключевые точки аналитических инициатив российских исследователей. Как значится в аналитических материалах НИИ Высшей школы экономики, касающихся отечественного рынка труда, размер занятых в неформальных секторах экономики России достигает величины от 20 до 25 % от всех занятых. Иные, принадлежащие международным специалистам, оценки несколько снижают соответствующие показатели до уровня в 10–15 % [Российский..., 2017, с. 74].

Этот уровень, характеризующий степень размаха неформальных экономических практик, типичен. Казалось бы, мы наблюдаем здесь нормальную, свободную от видимых противоречий картину. Но именно в этой феноменологической позиции замаскирована событийная содержательность и даже загадочность указанного феномена. Возникает логичный вопрос: в чем же кроется фундаментальная, основополагающая, а не только чисто прагматическая причина устойчивости неформальной экономики?

Сам факт «нормальности» неформальных экономических практик не может служить причиной отрешенно-безразличного отношения к необходимости специализированного исследования многообразных, в том числе и скрытых от регистрирующего наблюдения, свойств неформальности. Аналитические акценты в новейших исследовательских инициативах должны быть смещены с фиксации внешних параметров неформального сектора (его размера, продуктивности, мощности) в область вскрытия его латентных характерологических свойств. Именно в них заключены те сокровенные черты, которые сообщают неформальным экономическим акциям характер *эксплоярности* [Шанин, 1999а]. Т. Шанин сформулировал представление об эксплоярности в процессе исследования особенностей социального развития сельской России. Эксплоярные социальные структуры концентрируют в своем составе весьма специфические свойства, которые проявляют себя прежде всего в их соподчиненной композиции. К числу базовых следует отнести следующие:

– нестандартные деятельностные предустановления (на первом плане оказываются нормы, а не одни лишь рыночные правила) и целевые установки (следование нормам выживания, а не целям накопительства; забота о посильной занятости акторов, а не сосредоточенность на прибыльности хозяйства);

– как персональные, так и коллективные поведенческие действия акторов эксплоярных структур базируются на неявно согласованной комбинации целерациональных и ценностно-рациональных действий; субъекты привержены следованию привычкам, восходящим к родовой или интересубъективной архаике, слабо реагирующим на динамику обстоятельств локальной социальной среды;

– эксплоярность как особого рода настроенность процесса социально-культурной и хозяйственно-экономической жизни той или иной производственной ячейки проявляется в ее персонифицированности; это обстоятельство сообщает всему порядку дел характер неформальности, своеобычности, партикуляризма;

– незаменимым элементом эксплоярного устройства жизни локального социума служат многослойные сети социального взаимодействия (экономического, психологического, культурного), порожденные феноменами родства, соседства, этничности, дружества, приязни; в сетях аккумулируются разнообразные объединяющие действия, содержащие в себе не только прагматику конкретных дел, но и обеспечивающие нормы воспроизводства как конкретного семейного домохозяйства, так и сохраняющие в исправности общее социальное пространство территориальной общности;

– энергетический потенциал эксплоярной организации хозяйственно-экономических практик обладает достаточной мощностью, чтобы вобрать в своё поле многообразие различных бытовых, как неотменимых, так и спорадических, связей различ-

ных персонажей; содержащие экономическую компоненту, эти взаимодействия, наблюдаемые в их повседневных проявлениях, непрерывно производят некую атмосферу, особый социально-коммуникативный «воздух», состав которого неповторим от места к месту, от социума к социуму, от семьи к семье;

– феномен эксполярности уходит корнями в исторически изживаемые в настоящее время формы, принципы и характеристики жизненных процессов и устройств, которые были присущи архаическим порядкам повседневности. Однако их живучесть и способность сохраняться в череде перемен поистине феноменальна.

Эксполярные структуры хранят в себе не только опыты прошлого, но и содержат элементы проектов будущего. В частности, начала обновляющегося социально-пространственного устройства социума. Такой потенциал эксполярности рельефно проступил в период глобальной пандемии, побуждающей человечество серьезно пересмотреть и заново взвесить возможности и ограничения социально-экономического прогресса [Самсонов, 2010, с. 104; 2011, с. 481].

Все эти важнейшие потенции неформальных (эксполярных) экономик могут быть аналитически дополнены принятием во внимание ряда сопутствующих проблемных проекций. С одной стороны, само существование и функционирование эксполярных практик демонстрирует факт институциональности последних. Причем их типичные локализации в формате сельских домохозяйств демонстрируют изобретательные практики переосмысления и девиации тех стимулирующих (либо запрещающих) посылов, а также нормативных установлений, которые исходят от государства. В ходе такого «органического усвоения» всякий раз проявляются мимикрические способности эксполярных хозяйственных структур, находчиво элиминирующих государственные «перекосы» и «промахи».

С другой стороны, само существование феноменов эксполярности, воплощенных в повседневных хозяйственных практиках семейных домохозяйств, расшатывает и вытравляет прочность формальных структур, в то время как принудительная, спускаемая из управленческих структур в форме различных административных предубеждений, политика их «обмирщения», регламентации и непоследовательного регулирования имеет результатом, в лучшем случае, появление незанятых работников, рост ситуационной безработицы, а в худшем — травматизацию или развал прежде исправно и ритмично работающего неформально-экономического механизма повседневных хозяйственных, а также социальных (обмены, взаимопомощь и здоровая конкуренция) практик активных сельчан.

Однако не следует переоценивать факт очевидного противостояния, с одной стороны, эксполярных хозяйственных структур и с другой – собственно формального экономического устройства. Они соединены спектром сложных комбинационных связей. Более того, специфичность современной ситуации, в которой разворачиваются неформальные экономические акции, заключается в том, что последние достаточно прочно связаны с формальным сектором и зависят от него. Эта ситуация неплохо иллюстрируется с помощью известной формулы «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», которую впервые сформулировал Карл Маркс, а потом, в несколько другой интерпретации, повторил В.И. Ленин [1979, с. 101]. Однако общественный человек, создавая и воспроизводя элементы общественного устройства и будучи связан ими, в то же время непрерывно создает как элементы свободы, так и элементы ответственности. Свобода и ответственность приобретают в этом смысле важнейшее значение; именно они, взятые в единстве, представляют собой неотъемлемую основу той, как правило, скромной по масштабам, но исполненной творчества изобретательности и неподдельного усердия производительной деятельности, которая осуществляется в неформальных (эксполярных) экономических акциях сельских домохозяйств.

Т. Шанин, Т. Заславская, В. Радаев
о лингвистической форме дефиниции неформального

Перечисленные выше представления по поводу неформальной экономики суммируются в определении С.Ю. Барсуковой. «Неформальная экономика есть не что иное как совокупное множество различных видов хозяйственной деятельности, в полной мере или в ряде частных аспектов не подвластная регулированию со стороны государственных структур, не поддерживаемая документами в виде формальных контрактов и договоров, а также систематически не отслеживаемая органами статистики и налогообложения. Таким образом, это есть экономика, которая не контролируется и не направляется законами, правилами и инструкциями, порожденными государством» [Барсукова, 2012].

В данном определении в избытке присутствуют фигуры лингвистического отрицания – целых четыре отрицательных частицы «не». Подобного рода взгляд содержит диктуемое логикой научного поиска стремление придать неформальной экономике определенные *институциональные* измерения. Однако имеющийся у социологов опыт исследования неформальных экономических практик, реализованный в процессе включенных наблюдений хозяйственных практик успешных сельских домохозяйств [Великий, 2019], убеждает в том, что в основании этих негативных, «не-характеристик» неформальности кроется нечто загадочное и требующее применения специальных аналитических техник.

В этом смысле интересна дискуссия, состоявшаяся на самом раннем по времени этапе возникновения интереса к неформальному. Она прошла в рамках постоянно действующего методологического семинара, которым на площадке Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинки) руководили академик Т.И. Заславская и ректор Школы, профессор Теодор Шанин. Предметом обсуждения было сформулированное тогдашним преподавателем Шанинки В.В. Радаевым широкое и по тем временам исходное понятие неформальной экономики. Последняя, как было сказано, выступает в качестве «совокупности хозяйственных отношений, не отражаемых в официальной отчетности и формальных контрактах» [Радаев, 2009]. В предложенной В.В. Радаевым формулировке была повторена изготовленная по канонам дисциплинированного дискурса науки мысль, высказанная во вступительном выступлении Т. Шанина. Он, открывая дискуссию, среди прочего, сказал буквально следующее: «Логика неформальной экономики — это логика неэкономическая».

Интересно, что как и в дефиниции В.В. Радаева, так и в замечании Т. Шанина фигурирует пресловутая отрицательная лингвистическая конструкция. «Не» фиксируемая, «не» отражаемая в отчетности, «не» экономическая. И это не случайно – сам язык демонстрирует здесь свою аналитическую мощь. И если как содержательные опоры, так и конкретные акции неформальных экономических практик понятнее и удобнее всего описываются через «не» (они «не то» и «не то»), то содержательно они есть нечто находящееся в стороне, нечто иное, нечто другое. Получается, что в неформальности внутренне закреплено, по выражению М. Хайдеггера, некое «другое начало» [Heidegger, 2003]. А чем может выступать это «другое» в контексте настоящего обсуждения? По-видимому, всем остальным. Применительно к интересующему нас предмету, это ни что иное, как повседневная жизнь, социально-экономическая рутина.

Существенно, что в первой половине семинара, где обсуждались фундаментальные свойства неформальной экономики, дискуссия систематически перебрасывалась в область эмпирических наблюдений повседневного существования. Особенно активными здесь были участники Крестьяноведческого проекта Т. Шанина, незадолго перед семинаром вернувшиеся из трехлетней полевой экспедиции, проведенной в семи аграрных регионах России. По их наблюдениям, именно в неформальных экономических акциях сельских домохозяйств непрерывно и систематически реализуется сумма хозяйственно-экономических и социально-культурных действий, которую можно интерпретировать в

качестве некой «логики жизни». В ходе дискуссии прозвучала мысль о том, что, говоря о неформальной экономике, нужно постоянно иметь в виду ее философские измерения, поскольку речь идет о «логике выживания в смысле реализации широких социальных целей, целей ежедневной жизни» [Шанин, 2000]. Представляется, это продуктивная позиция, вполне применимая в исследовании неформальной экономики сельских домохозяйств.

Феноменология неформальной экономики

Неформальная экономика, несмотря на ее технологическую «расписанность» и инструментальность в качестве сезонно обусловленного хозяйственного механизма («весенний день год кормит»), системно отражает в себе разнообразные жизненные практики, распределенные по всем действующим акторам данного домохозяйства. Неформальная экономика в идеале широкозахватна: она опирается на целостность жизненных отправлений семейного хозяйства. Она в качестве настроения, определяющего сельский жизненный мир, покрывает различные феноменологические состояния данного мира, который не сепарирован на отсеки. Сезонно возникающие контрактно-договорные отношения с потребителями, как правило, не имеют жесткой формальной регламентации и опираются на репутацию и реципрокные отношения договаривающихся сторон. Неформальность сельской экономики не предусматривает членение жизненных практик хозяйства на специализированные фрагменты, как это можно видеть в условиях крупногородской среды.

Неформальная экономика побуждает к овладению такой системой хозяйственно-экономических и социально-культурных действий, реализация которых систематически и безостановочно обеспечивает (или пытается этого добиться) более или менее устойчивое состояние субъекта, которое можно обозначить как «полноту органического существования». Последняя означает такое состояние субъекта, семьи, группы, когда человек, что называется, сыт, обут, одет, из углов не дует, с потолка не каплет и когда, главное, соседи здороваются и в семье лад. Это – необходимые и достаточные кондиции полноты органического существования.

Добиться подобной полноты (когда всё естественно уравновешено) при помощи одних только формальных экономических акций невозможно. Экономические цели всегда специальные, они заранее спланированы и организованы. И в этом смысле они фатально неполны. Человек по отношению к формальным экономическим акциям находится, как правило, в состоянии вынужденной, рассчитанной готовности. Субъект систематически «заводит» себя, настраивается на них. Он вынужден специально готовиться с ним, повышая образование, овладевая новыми профессиональными навыками, примериваясь к новым поворотам в отношении с начальством. Формальные экономические действия непрерывно дирижируют субъектом, регламентируют и дисциплинируют его.

По отношению же к акциям неформальной экономики субъект пребывает, скорее, в состоянии свободной готовности. Неформальные экономические действия, выступая в формах обязательного и необходимого набора сезонно детерминированных акций, непреднамеренны. Они, по сути, попутны. В русском языке есть полузабытое, восходящее к латыни слово «оказия». Его синонимы («случай», «происшествие», «казус», «эпизод») не в состоянии передать тот привкус неожиданной удачи, которая запрятан именно в «оказии». «Послать с оказией письмо, присоединиться к кому-то в поездке, сделать что-то походя...» Неформальные экономические акции в определенном смысле «оказийны», попутны. Они существенно расширяют поле возможностей, которое предоставлено субъекту в рамках его чисто экономических формальных акций. Они позволяют, оседлав регулярный поток как формально-, так и неформально-экономических действий, за один и тот же «технологический проход» реализовать несколько параллельных задач. Причем основная, формально-экономическая задача нередко расценивается субъектом как побочная, досад-

ная, вынужденная, как отбытие внешней повинности. Оказия же расценивается как безусловная удача, везение, ловкость.

Можно предположить, что неформальная экономика в идеале – малозатратна и даже порой беззатратна. Во всяком случае, объем ресурсов и затрат не просчитывается предварительно с бухгалтерской точностью. Наблюдения неформальных хозяйственно-экономических практик сельских домохозяйств свидетельствуют о том, что затраты в контексте неформальной экономики расцениваются не как обременительные вынужденные расходы, а как что-то нетрудное, как заведомо экономное, рачительное. Неформальная экономика не предполагает обязательных писаных контрактов именно по причине её расценности в круге регулярных хозяйственно-экономических целей.

Таким образом, анализ содержания понятия «неформальная экономика» убеждает в том, что наличие отрицательной частицы «не» в ключевых терминологических связках, обозначающих соответствующие феномены, не означает негативного отношения к их смыслу. Отрицательная конструкция объясняется, скорее всего, тем, что само понятие неформальной экономики появилось по историческим меркам недавно и поэтому, в силу её многоаспектности, пока что не поддаётся описанию в системе позитивных аналитических конструкций. К тому же феномен «неформальности», предполагающий междисциплинарное объяснение, попав в экономические аналитические координаты, описывается, как правило, несколько односторонне – как неписанность в существующие нормативные государственные акты, как дислоцированность неформального за границами учета и контроля.

Рассмотрим проблемы технологии и социальной логики крестьянской семейной экономики – тех феноменов повседневного существования сельских домохозяйств, которые можно обозначить с помощью упомянутого выше понятия «орудия слабых». Один из основных аналитических ориентиров, позволяющих верно интерпретировать базовые свойства эксполлярных экономических феноменов, был выражен в дефиниции В. Радаева, который сосредоточился на их имманентных основаниях, сказав, что «неформальная экономика не просто указывает на отдельные формы хозяйства, но обозначает общий экономико-социологический подход к миру хозяйства. Неформальная экономика предстает как *определённая логика действий экономических агентов*» (курсив наш. – В.В.) [Радаев, 1999, с. 36].

В данном определении важно то, что исследователь стремится аналитически погрузиться в логику действий того или иного «экономического агента». Но, как мы полагаем, именно эксполлярные формы, внутренне присущие систематически практикуемым неформальным экономическим действиям как традиционных крестьянских, так и современных сельских домохозяйств, – именно они способны раздвинуть представления о довольно жестких рамках «логики экономических действий». В глубине эксполлярных акций работает своеобразная, «другая», иная логика, заключающаяся в специфическом понимании как технологических способов взаимодействия субъекта с хозяйственными мирами – особенно теми из них, которые базируются в сельских мирах, – так и настроенческих измерений данных способов, образующих те бытийные феномены, которые мы в ряде публикаций обозначили как «сельский мир» [Виноградский, 2019].

Эта логика не сводится к системе чисто экономических соображений и намерений, заключающихся в планах достижения выгоды и доходности. Речь идет прежде всего о логике повседневной жизни, укорененной в обстоятельствах данного локального сообщества, семейного, родового, сельского мира. Перед нами возникает не что иное, как выстроенная с опорой на традиции и обновляемая под давлением обстоятельств панорама отношений. Как было сказано, это – жизненная логика, сосредоточенная на центральном человеческом вопрошании «как следует жить?», и, при условии осознания человеческой ответственности, находящего определенный ответ на него. Важно, что содержание такого ответа приводит к пониманию того, на какой отметке достаточно широкого диапазона, крайними точками которого выступают «формальное» и «неформальное», размещена та

или иная социально-хозяйственно-экономическая акция, задуманная, предпринятая и реализованная данным социальным субъектом.

Дальнейшее действие неформального: исследовательские перспективы

Исследовательские инициативы, нацеленные как на общее, так и на поэлементное просматривание подобного рода *логики действий*, дают возможность отыскать в толще неформальных экономических, касающихся как производства, так и потребления поступков субъекта плохо различимый с событийной поверхностью, упрятанный за ширмой хозяйственно-экономической рутины смысл – те глубинные предпосылки, которые обуславливают, подпитывают и воспроизводят сумму данных экономических акций. Причем здесь отчетливо обрисовываются контуры той социально-культурной конструкции, которая их всякий раз порождает, удерживает и позволяет сохраняться.

Современная сельская Россия демонстрирует красноречивые образцы неформальных (эксплоярных) социально-экономических практик. Следует подчеркнуть, что в роли одной из базовых проекций аналитического разбора феноменов неформальной экономики Шанин особое внимание заострил на совокупном рассмотрении следующего вопроса – «взаимосвязи технологий, ресурсов и умений» [Шанин, 1999б]. Именно углубленное изучение перечисленных феноменов применительно к хозяйственным практикам сельских домохозяйств и, что еще важнее, анализ их взаимосвязей непосредственно продвигают нас к пониманию социальной логики предпринимаемых действий субъекта. В подобного рода взаимосвязях логическая структура действий актора неформальных экономических акций выражается с такой степенью наглядности, что позволяет увидеть эту логику, как принято говорить, *in process*.

Предпринятые автором полевые социологические процедуры (включенные наблюдения, неструктурированные беседы, уточняющие расспросы, фиксируемые диктофонами и видеокамерами формальные интервью) дают возможность сделать вывод о том, что акты неформальной экономики, рассмотренные с позиций обнаружения внутренней логики действий субъекта – это, по сути, незатейливые, простодушные, чаще всего ведомые инстинктом элементарного самосохранения и вместе с тем весьма хитрые придумывания простого человека. Это – не лишённые изобретательного лукавства выдумки людей, давно внедрённых в социальные и природные обстоятельства той или иной локальной общности, вписанных прочно и без зазоров. Это – сущностная подоплека разнообразных выдумок той народной «голи», каковая, как свидетельствует поговорка, «на выдумки хитра». Именно на «выдумки», то есть на такие действия, которые при наличии известной сообразительности субъекта дают возможность, не особенно натуживаясь, не просчитывая заранее множество вариантов, не занимаясь калькуляцией возможных профитов, что называется, «взять своё», досуха «отжать» обозреваемые ресурсы. Или – что оказывается еще более важным в оценке хозяйственных перспектив – оставить часть этих ресурсов «на разавод», впрок (*купить цыпляток на разавод. Оставить кроликов на разавод*).

Подобного рода акты эксплоярной экономики способны внести в жизненную рутину, в том числе и в производственно-экономические действия сельских домохозяйств, некую событийную напряженность, элементы игры и азартности повседневного существования. Они вносят в жизненные практики моменты творчества. Ошибочно полагать, что подобного рода созидательные события следует расценивать как девиацию, как нечто параллельное рутинному жизненному течению. Они, скорее, представляют собой явные сигналы неоспоримых житейских резонансов, оказываются отчетливыми признаками гармоничности и красоты. Последние способны взломать привычные структуры повседневности, стать узловыми сгущениями нормального жизненного хода. Коротко говоря, события, связанные с актами неформальной экономики, – это своеобразные микромасштабные

олицетворения проворства, удачливости и изящества ежедневного существования. Жизненный мир, основанный на фундаменте технологических находок эксплоярности, вооруженный «орудиями слабых», характеризуется не столько стандартами среднестатистической общепринятой *комфортабельности*, сколько особенной, не поддающейся клонированию, детализированной *уютности*, обеспеченной предельно возможным задействованием доступных или подручных субъекту эксплоярных экономических действий, ресурсов, возможностей и технологических схем.

Список источников

1. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. 2017. Доклад ЦеТИ и ЛИРТ НИУ ВШЭ для ЦСР. Под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова, С. Рощина. М., НИУ ВШЭ, 148 с.
2. Ленин В.И. 1979. Партийная организация и партийная литература. В кн.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд-е 5-е. М.: Политическая литература, Т. 12: 99–105.

Список литературы

1. Ахмадеев Д.Р. 2015. Институционализация неформальной занятости в России. Гуманитарные и социальные науки, 1: 25–33.
2. Барсукова С.Ю. 2012. Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы. Социологические исследования, 2: 31–39.
3. Белов Е.А. 2018. Факторы, обуславливающие неформальную занятость на современном этапе. Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент, Т. 8, 1 (26): 163–168.
4. Бобков В.Н. 2017. Неустойчивая занятость в формальной экономике России – основная причина неформальной занятости. Уровень жизни населения регионов России, 1 (203): 7–16.
5. Великий П.П. 2019. Хозяева сельских подворий: дифференциация, проблемы, будущее. Социологические исследования, 12: 48–60.
6. Виноградский В.Г. 2009. «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов: Изд-во Саратовского ин-та РГТЭУ, 292 с.
7. Виноградский В.Г. 2019. Сельские миры: опыт социологической реконструкции. Социологические исследования, Т. 45, 5: 3–13.
8. Нуреев Р.М. 2015. Классификация неформальной занятости и методы ее оценки. Современная экономическая теория, 4: 14–29.
9. Притворова Т.П., Пестунова Г.Б., Бектлеева Д.Б. 2016. Специфика неформальной занятости как одной из форм нестандартной занятости в условиях постиндустриальной экономики. Академия менеджмента и бизнес-администрирования, 2: 154–161.
10. Радаев В. 1999. Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики. В кн.: Неформальная экономика. Россия и мир. Под ред. Т. Шанина. Пер. с англ. И. Давыдовой. М., Логос: 35–60.
11. Радаев В.В. 2009. Экономическая борьба и социальные связи: структура конкурентных отношений в новом российском ритейле. Экономическая социология, Т. 10, 1: 19–56.
12. Самсонов В.В. 2010. Гносеологические возможности применения концепции эксплоярных структур Т. Шанина в исследованиях неформальной экономики. Вестник НГУ. Серия: Философия, Т. 8, Вып. 1: 102–108.
13. Самсонов В.В. 2011. Концепция эксплоярных структур Т. Шанина в исследованиях неформальной экономики. В кн.: Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры: материалы Международной научной конференции к 80-летию института философии НАН Беларуси, Минск, 14–15 апреля 2011 г. Минск, Право и экономика: 481–483.
14. Шанин Т. 2000. Почему до сих пор не умер русский народ: Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России. Эксперт, 1–2 (214): с. 7.

15. Шанин Т. 1999а. Эксполярныя структуры і неформальная эканоміка сучаснай Расіі. В кн.: Шанин Т. Неформальная экономика. Россия и мир. М., Логос: 11–32.
16. Шанин Т. 1999б. Эксполярныя эканомікі і політэканомія абочін. Формы хозяйства вне систем. В кн.: Шанин Т. Неформальная экономика. Россия и мир. М., Логос: 545–554.
17. Heidegger M. 2003. Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis) (1936–1938). Herausgegeben von Friedrich-Wilhelm v. Herrmann 3., unveränderte Auflage, (11–12. Tausend). XVIII, 522 p.
18. Scott J.C. 1985. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. Yale University Press, 392 p.

References

1. Ahmadeev D.R. 2015. Institucionalizaciya neformal'noj zanyatosti v Rossii. [Institutionalization of informal employment in Russia]. Gumanitarnye i social'nye nauki, 1: 25–33.
2. Barsukova S.Yu. 2012. Neformal'naya ekonomika: ponyatie, istoriya izucheniya, issledovatel'skie podhody. [Informal economy: concept, history of study, research approaches]. Sociologicheskie issledovaniya, 2: 31–39.
3. Belov E.A. 2018. Faktory, obuslovlivayushchie neformal'nuyu zanyatost' na sovremennom etape. [Factors that determine informal employment at the present stage]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment, Vol. 8, 1 (26): 163–168.
4. Bobkov V.N. 2017. Neustojchivaya zanyatost' v formal'noj ekonomike Rossii — osnovnaya prichina neformal'noj zanyatosti. [Unstable employment in the formal economy of Russia is the main cause of informal employment. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii, 1 (203): 7–16.
5. Velikij P.P. 2019. Hozyaeva sel'skih podvorij: differenciaciya, problemy, budushchee. [Owners of rural farmsteads: differentiation, problems, future]. Sociologicheskie issledovaniya, 12: 48–60.
6. Vinogradskij V.G. 2009. «Orudiya slabyh»: tekhnologiya i social'naya logika povsednevnogo krest'yanskogo sushchestvovaniya. [“Tools of the weak”: technology and social logic of everyday peasant existence]. Saratov, Publ. Saratovskogo in-ta RGTEU, 292 p.
7. Vinogradskij V.G. 2019. Sel'skie miry: opyt sociologicheskoy rekonstrukcii. [Rural worlds: experience of sociological reconstruction]. Sociologicheskie issledovaniya, Vol. 45, 5: 3–13.
8. Nureev R.M. 2015. Klassifikaciya neformal'noj zanyatosti i metody ee ocenki. [Classification of informal employment and methods of its assessment]. Sovremennaya ekonomicheskaya teoriya, 4: 14–29.
9. Pritvorova T.P., Pestunova G.B., Bektleeva D.B. 2016. Specifika neformal'noj zanyatosti kak odnoj iz form nestandardnoj zanyatosti v usloviyah postindustrial'noj ekonomiki. [The specifics of informal employment as a form of non-standard employment in the post-industrial economy]. Akademiya menedzhmenta i biznes-administrirovaniya, 2: 154–161.
10. Radaev V. 1999. Neformal'naya ekonomika i vnekontraktnye otnosheniya v rossijskom biznese. [Informal economy and non-contractual relations in Russian business. Approaches to the study of the informal economy]. In the book: Podhody k issledovaniyu neformal'noj ekonomiki. Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir. [The informal economy. Russia and the world]. Ed. by T. Shanin, Translated from English by I. Davydova, M., Publ. Logos: 35–60.
11. Radaev V.V. 2009. Ekonomicheskaya bor'ba i social'nye svyazi: struktura konkurentnyh otnoshenij v novom rossijskom ritejle. [Economic struggle and social relations: the structure of competitive relations in the new Russian retail]. Ekonomicheskaya sociologiya, Vol. 10, 1: 19–56.
12. Samsonov V.V. 2010. Gnoseologicheskie vozmozhnosti primeneniya koncepcii ekspolyarnykh struktur T. Shanina v issledovaniyah neformal'noj ekonomiki. [Epistemological possibilities of applying the concept of expolar structures by T. Shanin in studies of the informal economy. Vestnik NGU. Seriya: Filosofiya, T. 8, Vyp. 1: 102–108. Vol. 8, Issue 1: 102–108. (In Russian)]
13. Samsonov V.V. 2011. Koncepciya ekspolyarnykh struktur T. Shanina v issledovaniyah neformal'noj ekonomiki [T. Shanin's concept of expolar structures in informal economy research]. In: Filosofiya v Belarusi i perspektivy mirovoj intellektual'noj kul'tury: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii k 80-letiyu instituta filosofii NAN Belarusi, Minsk, 14–15 aprelya 2011 g. [Philosophy in Belarus and prospects of world intellectual culture: proceedings of the International scientific conference on the 80th anniversary of the Institute of philosophy of the national Academy of Sciences of Belarus, Minsk, April 14–15, 2011]. Minsk, Publ. Pravo i ekonomika: 481–483.

14. Shanin T. 2000. Pochemu do sih por ne umer ruskij narod: Ekspolyarnye struktury i neformal'naya ekonomika sovremennoj Rossii. [Why the Russian people haven't died yet: Expolar structures and the informal economy of modern Russia]. *Ekspert*, 1–2 (213): p. 7
15. Shanin T. 1999a. Ekspolyarnye struktury i neformal'naya ekonomika sovremennoj Rossii [Expolar structures and the informal economy of modern Russia]. In: Shanin T. *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir* [The Informal economy. Russia and the world]. M., Publ. Logos: 11–32.
16. Shanin T. 1999b. Ekspolyarnye ekonomiki i politekonomiya obochin. Formy hozyajstva vne sistem [Expolar economies and the political economy of roadsides. Forms of economy outside of systems]. In: Shanin T. *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir*. [The Informal economy. Russia and the world]. M.: Publ. Logos: 54–554.
17. Heidegger M. 2003. *Beitrage zur Philosophie (Vom Ereignis) (1936–1938)*. Herausgegeben von Friedrich–Wilhelm v. Herrmann 3., unveranderte Auflage 2003 (11–12. Tausend). XVIII, 522.
18. Scott J.C. 1985. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. Yale University Press, 392.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградский Валерий Георгиевич, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valery G. Vinogradsky, doctor of philosophical science, Professor, Senior Researcher, Center for Agrarian Studies Leading Researcher, Institute for Applied Economic Research Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Moscow, Russia